

НАТАЛЬЯ СПОСОБИНА

An illustration of a young man and woman in a close embrace. The man, with dark hair and wearing a dark blue hoodie, is leaning over the woman. The woman, with reddish-brown hair and wearing a light-colored top, looks down with a somber expression. The background is a soft, muted pink.

Много- гранники

Young
Adult

МИОО

Глава 1

Ты — многогранник, и я — многогранник.

На экране телефона высветилось: «Ты скоропостижно скончалась».

Следом телефон пиликнул во второй раз: «?»

Машу бесила Димкина привычка досылать знаки препинания отдельно. И Димка бесил. И помада, которая не желала выкручиваться. И мамино платье, которое оказалось ей впору, но немилосердно открывало острые Машины коленки, отчего их все время хотелось обтянуть подолом, но ткань не давалась.

— Мария, Дмитрий звонит в домофон, — раздался мамин голос. — Ты скоро?

— Бли-и-ин, — простонала Маша и, схватив телефон, надиктовала: — Пять минут. Еще раз меня дернешь — убью.

Через секунду в ответ пришел ржущий смайлик.

Маша отступила на шаг от зеркала и, окинув взглядом свое отражение, попыталась утешиться мыслью, что не нравится она себе исключительно потому, что вообще не носит платьев. Утешение вышло слабым.

— Маш, ну ты тут до вечера будешь? — Мама заглянула в комнату.

— Да! — отрезала Маша, натягивая очередной бабушкин шедевр — кружевной жакет.

Мама была права: белый жакет отлично подошел к темно-серому платью, но это же все равно платье!

— Мам, ну посмотри на меня! — в отчаянии воскликнула Маша и неловко повернулась вокруг своей оси. Подол закрутился, открывая ноги еще сильнее. Маша его поймала и вновь попробовала прикрыть колени. — Ну куда мне платье?

— Машка, прекрати! У тебя прекрасные ноги. Иди уже, а то Волков твой там насмерть табаком отравится.

— А может, мне не идти? — Маша поплелась по коридору, неся мамины праздничные туфли за каблуки. — Крестовский был явно не в себе, когда раздавал приглашения. Он даже имени моего не помнит. Он это приглашение на мою парту по ошибке положил. А имя мое там тоже случайно написалось. Ма-а-ам!

Когда мама не ответила, Маша обернулась и увидела, что та стоит, засунув руки в карманы домашнего платья, и хмурится.

— Я совсем плохо выгляжу? — обреченно спросила Маша и, поставив туфли на пол, сунула в них ноги.

Мама помотала головой и, подойдя, поправила кулон на Машиной шее.

— Нет, ты у меня самая красивая. А Крестовский... Роман не пригласил бы тебя, если бы не хотел видеть.

Маша в очередной раз отметила, что мама произносит эту фамилию почти скороговоркой, будто хочет быстрее от нее отделаться и больше с ней не сталкиваться. Маша и сама была бы не прочь не сталкиваться ни с фамилией, ни с ее обладателем.

Мама повесила Маше на плечо сумочку, сунула в руки сверток с подарком и почти силой выставила ее за дверь.

Димка сидел на спинке скамейки и крутил в руках зажигалку. Увидев Машу, он спрыгнул на землю и щелчком отправил в урну недокуренную сигарету. Маша в очередной раз попыталась обтянуть подол и почувствовала, что краснеет, особенно когда Димка окинул ее оценивающим взглядом.

— Прекрати! — прошипела Маша.

— Хочется выразить свой восторг нецензурно, — вынес вердикт Димка и, разглядывая Машины ноги, добавил: — Можно?

— Можно, — разрешила она. — Только про себя.

Димка усмехнулся и широким жестом указал на темно-синюю «ауди», припаркованную напротив подъезда. Водитель, заметив это, завел мотор. Маша поймала себя

на мысли, что вновь хочет прикрыть колени. Вместо этого она оглянулась и отыскала взглядом окно с синими занавесками на пятом этаже. Мама, конечно, стояла там. Маша ей помахала, мама помахала в ответ. Димка проследил за ее взглядом и вежливо кивнул, почти беззвучно прошептав:

— Здравствуйте, Ирина Петровна.

Маша прыснула, а Димка простонал:

— Блин, нам же третью главу «Театра» к понедельнику?

Маша нервно рассмеялась и, забравшись в машину, сказала:

— Только не говори, что каждый раз при виде моей мамы ты вспоминаешь про домашку, которую все равно не будешь делать.

Димка захлопнул дверь и, откинувшись на сиденье, протянул ей жвачку. Маша помотала головой, тогда он закинул пластинку в рот и произнес:

— Ее домашние задания я делаю всегда. Не гони. Их ватще все делают. Попробовали бы не...

— Не такой уж она и монстр.

— Угу, — буркнул Димка и обратился к водителю: — Поехали.

Водитель молча кивнул, и машина тронулась. Маша вздохнула, понимая, что ей ведь еще предстоит подарок Крестовскому вручать.

— Чего вздыхаешь? — вдруг очень серьезно спросил Димка, повернувшись к ней.

Когда он смотрел вот так, прямо и внимательно, она почему-то всегда немного смущалась.

— Я не хочу ехать на этот праздник, — озвучила она то, что так и не решилась сказать маме.

Димке сказать об этом оказалось гораздо легче. Ведь именно он был причиной этого нежелания.

— Почему? — все так же серьезно спросил Димка и тут же предупредил: — Только не ври, что исключительно из солидарности со мной.

Маша окинула Димку внимательным взглядом. В институт он ходил в джинсах и толстовках, поэтому видеть его сегодня в костюме было жутко непривычно. Немного

примирило с реальностью то, что темные волосы, как всегда, торчали в разные стороны, будто Димка только отлепил-ся от подушки.

— Потому что я буду там чувствовать себя душой.

— Почему? — Димка наклонился к ней, впиваясь взглядом в ее лицо.

— Дим, ну ты же сам все понимаешь. Где я, а где вся наша группа?

— Ты со мной в машине, а группа... — Димка бросил взгляд на массивные часы на запястье, — уже явно на яхте.

— Не придуривайся! — нахмурилась Маша, а когда Димка насмешливо поднял бровь, прошипела: — Потому что я в мамином платье, потому что в первый раз на этих дурацких каблуках! Выгляжу идиоткой, чувствую себя так же.

Маша зло откинулась на сиденье и вновь потянула подол, стараясь прикрыть колени.

Димка наклонился вперед и внимательно посмотрел на ее туфли.

— Ну да. Нелегко, наверное, — посочувствовал он, а когда Маша прищурилась, добавил: — Хватит гнать, Машка! Ничего не понимаю в платьях, но тебе, по-моему, идет.

— Там все будет на стиле, при макияже. Шилова будет блистать...

Машка запнулась, когда поняла, что выдала Димке настоящую причину своего беспокойства. Она прекрасно понимала, что не была ровней девушкам из своей группы. Те проводили новогодние каникулы, катаясь на сноубордах в Альпах, ездили в языковые лагеря, могли отпраздновать день рождения в Париже, как Шилова в прошлом году. Маша убеждала себя, что ее это не задевает, но как же трудно было смириться с реальностью, которая заключалась в том, что Маши в их мире не было, потому что лето она проводила на даче, а на сноуборде стояла один раз в жизни, и то потому, что Димка вытащил ее на базу в Подмосковье. Димка, в сущности, был единственной точкой соприкосновения ее мира с миром ее одноклассников. Он сам был из их мира. Только по неведомой ей причине презирал все то, что они ценили, порой делая это чересчур демонстративно.